

КОНФЕРЕНЦИЯ

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ I МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «Комплексный подход в изучении Древней Руси»

С. Н. Азбелев (Санкт-Петербург)

ФАКТЫ ИСТОРИИ И ПРЕДЫСТОРИИ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА, ВЫЯСНЯЕМЫЕ ПО ДАННЫМ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ, ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ И АРХЕОЛОГИИ В ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Археологическое изучение Великого Новгорода, подарившее науке массовые источники письменности — берестяные грамоты, обогатило уже сравнительно недавно фонд достоверных письменных источников подтверждением аутентичности уникальных сведений Иоакимовской летописи. Как известно, рукопись ее не сохранилась, но есть обширные выписки в труде В. Н. Татищева, о достоверности которых велась дискуссия на протяжении двух с половиной веков. Наибольшее внимание привлекало пространное повествование о крещении новгородцев. Оно предстает как фиксация устного рассказа участника событий и по содержанию не имеет аналогов в других источниках. Описанные здесь драматические факты должны были оставить существенные следы на территории города. Тогдашняя топография Новгорода археологами теперь выяснена, следы эти обнаружены, и реконструирована на их основе реальная картина происходившего. Она соответствует тому, что передал составитель Иоакимовской летописи. Обо всем этом можно прочесть в опубликованной полтора десятилетия назад работе исследовавшего данный вопрос и руководившего самими раскопками В. Л. Янина¹.

Плодоносность этого научного факта выходит далеко за пределы изучения христианизации Новгородской земли. Изменилось преобладавшее прежде скептическое отношение к Иоакимовской летописи вообще и причастности к ее первоначальному тексту первого новгородского епископа. Встал вопрос об источниках этого памятника, потребовавший обращения к фольклористике. Даже основанное на впечатлениях очевидца повествование о крещении новгородцев содержит отсылки к фольклорным источникам, а более существенно они привлечены в известиях Иоакимовской летописи о событиях более ранних. Свидетелем их епископ Иоаким не был, но составитель мог

¹ Янин В. Л. Летописные известия о крещении новгородцев (О возможном источнике Иоакимовской летописи) // Русский город. (Исследования и материалы). М., 1984. Вып. 7. С. 40—56.

воспользоваться устными рассказами и даже историческими песнями, которые упомянуты в Иоакимовской летописи при описании этих ранних событий. Вместе с тем очевидно, что известия своего первоначального текста дошедшая до Татищева летопись уснастила, соответственно моде позднейшего времени, плодами сочинительства, основанного на этимологических догадках. Они находятся в ее вводной части, которая, однако, опиралась на фольклорные источники. Поэтому за вычетом «наивных этимологий» и связанных с ними домыслов, нет достаточных причин отказываться в доверии этому памятнику, о чем справедливо писал в обстоятельном разборе Иоакимовской летописи еще П. А. Лавровский около полутора веков назад².

Фрагменты этой летописи, обязанные устной традиции, при соотнесении их содержания с иноязычными материалами средневековья и с записями фольклористов нового времени, представляют интерес, в частности, тем, что помогают объяснить происхождение князя Рюрика от «легендарного» Гостомысла.

Более 120 лет назад известный собиратель фольклора Е. В. Барсов записал в Олонецкой губернии от выдающегося сказителя былин довольно пространное предание о князе Рюрике. Оно было опубликовано еще в 1879 году, но нельзя сказать о широком использовании его в исторических трудах. Между тем предание любопытно, так как вполне ясно говорит о добровольном подчинении новгородцев, которые сначала находились просто в союзных отношениях с этим князем, который прибыл «из северной стороны, из дальней украины» в Ладогу, затем перебрался в Новгород. Как здесь сказано, «залюбили его новгородцы», увидев, что человек он «хорошего разуму и повышает себя житьем-богатством; а тут и побаиваться стали». Чего стали побаиваться, в самом тексте предания не говорится, но, судя по контексту, имелась в виду внешняя опасность. Тогда новгородцы «зазвонили на суем — в колокол, — и выступает этот Юрик-новосел: “Что, — говорит, — честное обчество, возьмите меня в совет к себе, и будь я над вами как домовый хозяин. Только можете ли вы за наряд платить мне половину белочьего хвоста?” Сметили и погадали граждане новгородцы и сказали: “Можем и платить будем половину белочьего хвоста”». Далее повествуется, что через некоторое время «опять зазвенел колокол и на сходе собрались», Рюрик снова выступил и попросил платить ему «весь белочий хвост». Новгородцы согласились. Таким же образом говорится, что по его просьбе далее стали платить «половину белочьей шкуры», позднее — «всю белочью шкуру». Наконец князь «собрал всех на сходку и говорит: “За белочью шкуру хочу я наложить на вас малые деньги, можете ли вы поднять мне?” И малые деньги они подняли. — И поныне помнят этого домового хозяина и в Северной украине, и в Олонецком крае, и в Новгороде». Предание завершается указанием, что после этого князя «пуще и пуще повышали дань» вплоть «до Петра Первого, а после Петра платили и с живой души, и с мертвой, и рубль, и два, и три, и четыре, и пять»³.

При наивной на современный взгляд интерпретации, общий характер взаимоотношений первого новгородского князя с вечевым городом предстает в предании достаточно определенно. Оно дополняет известные летописные данные о добровольном приглашении Рюрика и дает материал для дальнейшего изучения истоков политического устройства Новгорода, согласуясь и с тем, что можно прочесть о Рюрике в Иоакимовской летописи. Но последняя важна в данном случае как раз уникальными сведениями, относящимися к его происхождению, спор о котором в науке имеет, как известно, более чем двухвековую протяженность.

Одним из самых значительных событий в дискуссии по варяго-русской проблеме явился двухтомный труд С. А. Геденова, изданный в 1876 году. Автор доказывал западославянское происхождение призванных на Русь князей и само название варягов возводил к прибалтийским

² Подробно см.: Азбелев С. Н. К изучению Иоакимовской летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 9 (в печати).

³ Барсов Е. В. Северные народные сказания о древнерусских князьях и царях // Древняя и новая Россия. СПб., 1879. № 9. С. 400—401.

славянам. Указав, что у западных славян сокол обозначался словом «рерик», Гедеонов ставил в связь с этим родовой знак Рюриковичей, напоминающий изображение летящего сокола. Говоря, что у вендов существовало племя рерики и был город Рерик, а один из притоков Одера тоже имел такое название, Гедеонов приводил свидетельства источников и о существовании этой формы личного имени у славян: Псковская летопись упоминает о убийении польского воеводы Ририка, а имя Рерик встречается среди имен древнечешских родов, заседавших на богемских сеймах; однако эти свидетельства сравнительно поздние — XIII—XVI столетий.

У раннесредневековых германских хронистов Гедеонов нашел сведения, что племена прибалтийских и полабских славян именовались по названиям их тотемов, причем племя ободритов или бодричей именовалось рериками. Вместе с тем Гедеонов проследил и такую закономерность: личные имена вендских князей нередко соответствовали названию самого племени. Соответственно, — делает вывод Гедеонов, — племенному прозванию рерики отвечает княжеское имя Рерик⁴.

Такой вывод был, однако, сделан лишь на основании умозаключений, выведенных из косвенных данных. В средневековых источниках не обнаружено упоминаний о западнославянском князе Рерике. Но собранные Гедеоновым данные позволяют предполагать, что имя Рорик, известное по источникам в ютландской династии только в IX веке, было обязано брачному союзу с представительницей славянской династии могущественного королевства ободритов (подчинившего несколько племен)⁵. Уже А. Ф. Гильфердинг выяснил, что как раз в IX столетии имели место союзные отношения их с ютландцами, направленные против общего противника — континентальных германцев⁶.

А еще в 30—40-х годах XIX века профессор Дерптского университета Ф. Крузе в ряде своих работ подробно обосновал гипотезу, которая ранее, в 1816 году была высказана Г. Ф. Хольманом, но неотчетливо и мало аргументированно. Согласно этой гипотезе, Рюрик русских летописей тождествен знаменитому в свое время викингу, фрисландскому, а затем ютландскому владетельному графу Рорику. Деятельность его в западноевропейских источниках освещается с 826 по 873 год, но известия о нем содержат хронологические лакуны, позволяющие полагать, что какое-то время он находился на Руси, а не во Фрисландии, где имел лен, полученный от германского императора, и не в Ютландии, где получил лен позже. Рорик был приглашен управлять для того, чтобы оградить Фрисландию от грабительских наездов других викингов, и успешно выполнял эту миссию. Позже, согласно русской летописи, Рюрик оказывается приглашен в сходной ситуации жителями Новгородской земли, которые только что прогнали варягов, заставлявших платить им дань. В западных источниках нет известия о смерти Рорика. Но под 882 годом сообщено о наследовании его владений другим лицом, что естественно согласуется с данными русской летописи о смерти Рюрика тремя годами ранее⁷.

С наибольшей основательностью и с опорой на широкий круг источников эта гипотеза была обоснована Н. Т. Беляевым в труде, который увидел свет в 1929 году в Праге на страницах весьма

⁴ Гедеонов С. Варяги и Русь. Историческое исследование. СПб., 1876. Славянские параллели были приведены Гедеоновым не только к имени Рюрика, но и к именам его братьев (см. с. 191—205 названного труда) Данные Гедеонова относительно имени Рерик не были учтены в недавнем издании: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław, etc, 1970. Т. 4. S. 490—491.

⁵ Новейший аналитический обзор исторических данных и исследовательских толкований этнонима «ободриты» см. в кн.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX—XI веков. М., 1993. С. 15—16, 22.

⁶ Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян // Собрание сочинений А. Гильфердинга. СПб., 1874. Т. 4. С. 287—299.

⁷ Крузе Ф. О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. 1836. № 1. Отд. 2. С. 3—73; Он же. О пределах Нормандии и названии норманнов и руссов // ЖМНП. 1839. № 1. Отд. 2. С. 13—77, и др. его работы. См. также: Голлман Г. Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819 (перевод И. Снегирева с немецкого изд. 1816 г.).

серьезного, но недостаточно широко известного научного издания русской эмиграции. Как обнаружилось, нет препятствий для отождествления Рюрика Новгородского и Рорика Ютландского⁸. Тезис Беляева, что русские и западные источники сообщают об одном и том же историческом деятеле, был вскоре принят рядом крупных специалистов — историков Руси на Западе (Г. В. Вернадский, А. А. Васильев, Х. Пашкевич) и даже ведущими русистами в СССР (Б. Д. Греков, В. В. Мавродин и другие)⁹. Сравнительно недавняя попытка польского историка Х. Ловмянского оспорить этот тезис не удалась: прослеживая по источникам биографию Рорика на Западе, Ловмянский не смог заполнить в ней лакуны, которые естественно объясняются деятельностью Рюрика на Руси, а тенденциозность многого в аргументации Ловмянского недавно была убедительно показана¹⁰. Автор последней монографии по варяго-русской проблеме Г. С. Лебедев солидаризировался с выводом о тождестве Рюрика и Рорика; поддержали этот вывод и другие современные исследователи¹¹.

Концепцию Беляева и его предшественника Крузе несколько ослабляло отсутствие в привлекавшихся ими источниках реальной мотивировки обращения именно к Рорику Фрисландскому просьбы прибыть для управления Русской землей. Правда, археологические данные свидетельствуют о существовании тогда контактов между жителями Фрисландии и Северной Руси¹². Но явно выраженные устремления фрисландцев и даже датчан в то время почти не простирались так далеко на восток Балтики. Здесь первенствующая роль принадлежала тогда шведам, у которых, однако, не было политического деятеля с подобным именем. Между тем Рорик Фрисландский по отцу относился к датскому королевскому роду Скъолдунгов. Его политические приоритеты долго сосредоточивались в бассейне Северного моря. Но и став князем Северной Руси, он не перестал интересоваться своими западными владениями, о чем, собственно, и свидетельствует скудость известий русских летописей о деятельности Рюрика. По-видимому, на Руси он бывал эпизодически и только последние годы жизни провел здесь почти полностью.

Привлечение обязанных фольклору известий Иоакимовской летописи позволяет теперь ответить на вопрос, остававшийся нерешенным: главная причина обращения славян именно к Рорику лежала, по-видимому, не в экономической сфере и даже не в политической или военной, а в сфере династических интересов.

Иоакимовская летопись повествует, что инициатором приглашения Рюрика был княживший до него у будущих новгородцев Гостомысл¹³. Краткие упоминания о Гостомысле есть и в ряде летописей XIV—XVI в., где он обычно назван старейшиной или посадником. В этих летописях нет речи о предшествовавших Рорику князьях иной династии, что естественно для памятников средневековой историографии, отредактированных во времена правления Рюриковичей. Исключение составляет как раз Иоакимовская летопись, основной текст которой сохранился до того времени,

⁸ Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик начальной летописи // *Seminarium Kondakovianum*: Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1929. Т. 3. С. 215—270. В том же издании В. А. Мошин напечатал рецензию на труд Беляева, (1932. Т. 5. С. 334—338), содержавшую, среди прочего, возражения, которые затем были отведены в ответе Беляева (1933. Т. 6. С. 245—248).

⁹ См., например: Vernadsky G. *Ancient Russia*. New Haven, 1943. P. 337—339, 365—366; Греков Б. Д. *Борьба Руси за создание своего государства*. М.; Л., 1945. С. 50; Мавродин В. В. *Образование Древнерусского государства*. Л., 1945. С. 213; Vasiliev A. A. *The Russian Attack on Constantinople in 860*. Cambridge, Mass., 1946. P. 234—237; Paszkiewicz H. *The Origins of Russia*. London, 1954. P. 136—137.

¹⁰ Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1963. Вып. 7. С. 221—249. Критику этой работы см. в статье: Касиков Х., Касиков А. Еще раз о Рюрике Новгородском и Рорике Датчанине // *Скандинавский сборник*. Таллин, 1990. Вып. 33. С. 98—108.

¹¹ Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Л., 1985. С. 214; Кирпичников А. Н. «Сказание о призвании варягов» // *Первые скандинавские чтения*. СПб., 1997. С. 7—18 и др.

¹² См. об этом в названной выше статье Касиковых, на с. 105—106.

¹³ А. А. Шахматов, не раз обращавшийся к преданию о Гостомысле, отмечал: «память о Гостомысле держалась в Новгороде долго. Ср. новгородских бояр Гостомысловых (из их рода святая Иулиания Тверская)» (Шахматов А. А. *Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 517).

когда правила уже династия Романовых и ослабили побудительные мотивы именно Рюрика считать первым князем Русской земли.

Только в Иоакимовской летописи говорится о долго правившей славянской династии, последним представителем которой как раз и был Гостомysl. Четыре сына его погибли бездетными при жизни отца, когда его возраст уже не давал надежд на продолжение рода по мужской линии. Но оставались дочери: они были замужем и имели сыновей. Сын старшей дочери, как здесь сказано, был «негож», поэтому Гостомysl, в соответствии с явившимся ему сновидением, решил завещать княжение сыну средней дочери, выданной за иноземного правителя. Старейшины, исполняя его волю, пригласили на княжение Рюрика.

Привожу полностью этот любопытный текст, как он был изложен Татищевым: «Гостомysl имел четыре сына и три дщере. Сынове его ово на войнах избиени, ово в дому изомроша, и не остася ни единому им сына, а дщери выданы быша соседним князем в жены. И бысть Гостомysлу и людем о сем печаль тяжка, иде Гостомysl в Колмогард вопросити боги о наследии, и, возшед на высокая, принесе жертвы многи и весчуны угобъзи. Весчуны же отвесчаша ему, яко боги обещают дати ему наследие от ложесн его. Но Гостомysl не ят сему веры, зане стар бе и жены его не раждаху, посла паки в Зимеголы к весчунам вопросити, и ти реша, яко имать наследовати от своих ему. Он же ни сему веры не ят, пребываше в печали. Единою спясчу ему о полудни виде сон, яко из чрева средние дщери его Умилы произрасте древо велико плодовиито и покры весь град Великий, от плод же его насысчахуся людие всея земли. Востав же от сна, призва весчуны, да изложат ему сон сей. Они же реша: “От сынов ея имать наследити ему, и земля угобзится княжением его”, и вси радовахуся о сем, еже не имать наследити сын большия дщере, зане негож бе. Гостомysl же, видя конец живота своего, созва вся старейшины земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривич и дрягович, яви им сновидение и посла избраннейшия в варяги просити князя. И приидоша по смерти Гостомysла Рюрик со двема братьи и роды ею»¹⁴.

Перед нами литературно обработанная запись устного предания. Фактическая его основа осложнена традиционным «бродячим» мотивом в рассказе о сне Гостомysла: параллели есть в фольклоре ряда народов. Уже Татищев указывал на сходный эпизод у Геродота; зафиксирован подобный мотив и в фольклоре скандинавском. Но ни дань фольклорной традиции в устной основе этого текста, ни принципиально возможные и местами довольно ощутимые плоды «олитературирования» в его письменной передаче не заслоняют важности центрального содержания: Рюрик — внук Гостомysла, рожденный его дочерью в замужестве за одним из «князей» в землях «варягов», для Гостомysла — «соседних».

Существенно, что Гостомysl известен и западноевропейским хроникам IX века: он фигурирует там как король государства ободритов. Тождество уникального имени и хронологическое тождество не ускользнуло от внимания историков. Уже А.-Л. Шлёцер сопоставил летописные сведения о Гостомysле с наличием такого имени «в древнейшей Макленбургской истории», но не придавал этому серьезного значения¹⁵. Позднее другой русский академик Ф. И. Круг допускал, что население Северной Руси могло «обратиться к упоминаемому в 844 году Гостомysлу, царю ободритов, который без сомнения мог подать совет ильменским славянам призвать себе князя из соседних областей». Но летописные известия о Гостомysле Круг расценивал как «ни на чем не основанные предания»¹⁶.

¹⁴ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 110. «Угобъзити» — насытить; «угобъзитися» — процвести, возвеличиться (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 1134).

¹⁵ Шлёцер А.-Л. Нестор. СПб., 1809. Ч. 1. С. 303.

¹⁶ Krug Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. St. Petersburg, 1848. Th. I. S. 127. См. также газетную прижизненную публикацию: «О новгородском Гостомysле» (Санктпетербургские ведомости. 1836. № 97. С. 422).

С бóльшим доверием отнесся к таким данным спустя несколько десятилетий И. Е. Забелин. Напомнив, что Гостомысл, согласно текстам «латинских сказаний», — это живший в IX веке «старейший князь» ободритов, Забелин заключал, что если «в какой-либо русской древней хартии поминалось о нем как о личности, действительно существовавшей во времена призвания варягов, то это обстоятельство может давать намек, что Новгородскою волостью в то время владели именно ободриты, с их старейшиною Гостомыслом» — тем более, что «в Новгородской летописи первым посадником именуется тоже Гостомысл»¹⁷. Работу Ф. И. Круга автор не упоминает, но можно полагать, что у Забелина — косвенный ответ на ее скептицизм.

В то время речь шла только об упоминаниях Гостомысла в летописных текстах XIV—XVI веков: Иоакимовскую летопись И. Е. Забелин, видимо, не принимал здесь во внимание вследствие неясности тогда ее происхождения. Имея в виду теперь и ее, можно заключить, что нет препятствий для отождествления короля ободритов Гостомысла и относимого этой летописью к тому же времени князя Гостомысла, санкционировавшего приглашение Рюрика. Если мы вспомним, что Рюрик был владетельным графом во Фрисландии, затем — в Ютландии и одновременно — князем Северной Руси, естественно допустить аналогичный статус у его деда. Тем более, что во втором случае речь идет о едином правителе у двух славянских народов, земли которых разделены несколько меньшим расстоянием. Князь Северной Руси Гостомысл, будучи в земле ободритов, еще до того, как он стал ее королем, естественно, мог выдать одну из своих дочерей за представителя династии Скъолдунгов, союзных тогда ободритам, в Ютландию (подобно тому, как в следующем столетии туда же была выдана за короля Харальда дочь князя ободритов Мистивоя).

Старшие члены семьи, в которой родился Рюрик, были изгнаны из Ютландии в 813 году и бежали к ободритам. Позже они прибыли к Людовику Благочестивому, дабы вернуться при его поддержке. Войско его вместе с войском ободритов в 815 году отправилось в Данию¹⁸. Дальнейшие перипетии внутренней распри датчан для нас сейчас не важны. Но важно, что в середине 810-х годов имело место содружество именно этой семьи с правителями ободритов. Именно тогда дочь Гостомысла могла стать женой одного из Скъолдунгов. А Рюрик, согласно подсчетам Ф. Крузе, родился около 817 года.

В источниках нет сведений, с какого года его дед становится королем ободритов. Предшественник Гостомысла Чедраг в анналах упоминается последний раз под 826 годом. Аргументировалось мнение, что после кончины Чедрага у ободритов произошла смена династии¹⁹. Но известий о их правителях, к сожалению, нет вплоть до 844 года, когда о короле ободритов Гостомысле говорится в связи с походом немецкого войска в земли славян.

Эти известия каролингских хроник требуют сравнительного рассмотрения²⁰.

Фульдские анналы, соответствующая часть которых писалась современником этого события, были в тот период официальной хроникой руководившего вторжением короля Людовика Немецкого. Здесь говорится о победе его над ободритами и подчинении князей после убийства их короля Гостомысла. В трудах историков довольно обычны основанные именно

¹⁷ Забелин И. История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2. С. 86.

¹⁸ Подробности см. на указанных страницах названного труда А. Ф. Гильфердинга и в названной статье Н. Т. Беляева на с. 225—227.

¹⁹ См.: Friedmann B. Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts. Berlin, 1986. S. 71—72.

²⁰ «Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras adgressus, quosdam in deditionem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illarum partium regulos sibi aut vi aut gratia subegit» (Fontes ad Historiam regni Francorum aevi Karolini illustrandam. Pars secunda. Berlin, s.a. P. 64); «Eodem tempore Ludewicus rex per/rexit in Winithos cum exercitu. Ibique unus ex regibus eorum interit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem prebentes veniebant ad eum. Quam illo absente statim mentientes» (Ibidem. P. 346); «Hludowicus Obodritos defectionem molientes bello perdomuit occiso rege eorum Goztomuizli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit» (Ibidem. Pars tretia. Berlin, 1960. P. 32).

на этом известии упоминания, что Людовик умертвил короля ободритов²¹. Однако другие хронисты подобного не сообщают.

Бертинские анналы, соответствующая часть которых принадлежит тоже современнику, но независимому от Людовика, дают об этой войне, пожалуй, наиболее содержательное известие, в котором среди ее жертв Гостомысл вообще не назван. Третья современная событиям хроника — Ксантенские анналы — сохранилась в тексте, который после 870 года был обработан сторонником Людовика Немецкого; но здесь лишь глухо упомянуто, что король Гостомысл погиб или исчез (*interiit*). Об его убиении однозначно написал только фульдский анналист²². Но доверять этому нет достаточных оснований.

Продолживший изучение истории западных славян, начатое у нас известными трудами А. Ф. Гильфердинга, и внимательно сопоставлявший хроники А. И. Павинский отмечал, что «фульдский анналист, находившийся в личных отношениях с королем», существенно исказил результат следующей войны Людовика Немецкого с ободритами, которых возглавил князь Добомысл: сообщая о ней коротко, анналист представил ее как победу Людовика над Добомыслом. Между тем независимая от этого короля хроника Гинкмара (соответствующая часть Бертинских анналов) подробно повествует, в сущности, о поражении войск Людовика, единственным успехом которого оказалось добывание заложников. В данной связи А. И. Павинский писал: «Это служит новым указанием на то, как неверно записывались события анналистами, находившимися в зависимости от королевского двора» (ранее, по сходному поводу, исследователь заметил, что «осторожно следует относиться к известиям, сообщаемым придворною анналистикою о победах над славянами»)²³. Уже тот факт, что через сравнительно короткое время после первой войны с ободритами Людовику потребовалась вторая, победы ему не принесшая, свидетельствует, что и результаты первой войны были преувеличены писавшим Фульдскую хронику духовником этого короля Рудольфом. Даже Ксантенские анналы сообщали под тем же 844 годом, что сразу после ухода войск Людовика славянские князья отпали от его власти.

Сведения русских летописей позволяют оспорить основанное на односторонней информации мнение, что Гостомысл был убит в 844 году. Если бы действительно во время интервенции Людовика Немецкого он находился не на Руси, а на берегах Лабы и если бы только убив славянского короля Людовик сумел добиться подчинения местных князей, то весьма осведомленный труаский епископ Пруденций, писавший тогда хронике, дошедшую в составе Бертинских анналов, не умолчал бы о столь существенном факте, ибо он уделит специальное внимание этим событиям 844 года.

По всей видимости, Людовик воспользовался отсутствием Гостомысла, которое и позволило хотя бы ненадолго привести к покорности славянских князей. Так как среди них Гостомысла не оказалось, это открывало возможность признать его погибшим. В то время возраст Гостомысла вряд ли позволял ему лично участвовать в боях. Если его внук от средней дочери Рюрик родился до 817 года, то в 844 году Гостомыслу было, вероятно, далеко за пятьдесят — по тем временам он являлся пожилым человеком. К тому же он был поглощен делами своих владений у славян приильменских, как позволяет заключить Иоакимовская летопись.

²¹ См., например: Giesebrecht L. *Wendische Geschichten*. Berlin, 1843. S. 120; Wachowski K. *Słowianszczyzna zachodnia*. Poznań, 1950. S. 109; Dralle L. *Slaven am Havel und Spree*. Berlin, 1981. S. 43; Fritze W. H. *Früzeit zwischen Ostsee und Donau*. Berlin, 1982. S. 112; Friedmann B. *Untersuchungen zur Geschichte des abodritischen Fürstentums bis zum Ende des 10. Jahrhunderts*. S. 73—74; Havlík L. E. *Slovanské státní útvary raného stáedoveku*. Praha, 1987. S. 155.

²² Сокращенные повторы — в хрониках X—XI веков: *Monumenta Germaniae historica*. Scriptorum. Hannoverae, 1839. T. 3. P. 46—47.

²³ Павинский А. *Полабские славяне*. СПб., 1871. С. 32, 56.

Дату кончины Гостомысла она не сообщает. Но под 862 годом в анналах упомянуто о главенстве у ободритов Добомысла, следовательно, Гостомысл скончался ранее. В «Повести временных лет» 862 годом датировано приглашение Рюрика, которому предшествовали изгнание варягов и внутренние раздоры. Это заставляет отнести смерть Гостомысла к самому началу 860-х годов или концу 850-х. Если же принимать разделяемую многими историками поправку хронологии «Повести» на шесть лет, которую обосновал в свое время В. Г. Васильевский²⁴, то следует считать, что Гостомысл скончался около середины 850-х годов.

Фульдская хроника писалась Рудольфом до 863 года. Узнав, что Гостомысла действительно уже нет в живых, тенденциозный хронист не смущаясь мог трактовать смерть вражеского короля как впечатляющий успех своего повелителя во время малорезультативного, на самом деле, похода против славян в 844 году. В действительности, смерть Гостомысла наступила от естественных причин и не в Западной Прибалтике, а на Русской земле. Об этом свидетельствуют данные русских источников — фольклорных и летописных.

Существует во многих списках созданная уже в XVII веке так называемая «История еже о начале Русския земли», которая совместила использование письменной и фольклорной традиции. Об этом памятнике разговор должен быть отдельный, а о Гостомысле там говорится в основном то же, что и в Иоакимовской летописи, но значительно короче. Однако есть важное дополнение к ее известиям. После изложения завещания Гостомысла здесь сказано: «И егда сей умре, тогда всем градом проводиша до гроба честно, до места нарицаемого Волотово и погребоша его»²⁵. Аналогичное известие находится в летописце новгородского Николо-Дворищенского собора. Нынешнее местонахождение этой рукописи и ее датировка неизвестны, но ее цитировал, в частности, архимандрит Макарий в своем капитальном труде о древностях Новгорода. И сам Макарий, и ряд его предшественников пересказывали народное предание, относящееся к могиле Гостомысла: это одна из сопкок вблизи церкви села Волотова — «холм, насыпанный над могилою князя славянского Гостомысла будто бы пригоршнями новгородцев, чтивших память своего любимого старейшины, по совету коего призван Рюрик на княжение»²⁶.

Еще в 1821 году известный этнограф и фольклорист А. Чарноцкий предпринимал раскопки предполагаемой могилы Гостомысла. Нанятые им рабочие срыли до основания ближайшую к церкви сопку, имевшую сравнительно небольшие размеры. В насыпи Чарноцкий нашел костные останки, принадлежавшие животным, и древесные угли²⁷. По заключению архимандрита Макария, «все это осталось, вероятно, после совершаемых некогда над могилою тризн»²⁸. Таким образом, само захоронение обнаружено не было. Ниже поверхности грунта археолог-любитель не углублялся, более крупные насыпи, расположенные дальше от церкви, не трогал.

Волотово поле, на котором, согласно пересказывавшимся авторами XIX века народным преданиям, «славяне-язычники погребали своих князей, старейшин и богатырей»²⁹, вероятно, заслуживает серьезного внимания современных археологов. Захоронение Гостомысла может выделяться среди других своим инвентарем. Найти его — задача, конечно, далеко не простая, но, думается, не безнадежная.

²⁴ Васильевский В. Г. Год первого нашествия русских на Константинополь // Византийский временник. СПб., 1894. Т. I. С. 258—259.

²⁵ Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 447.

²⁶ Макарий, архимандрит [Миролюбов Н. К.] Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Т. I. С. 568.

²⁷ [Чарноцкий А.] Отрывок из путешествия Ходаковского по России // Русский исторический сборник. М., 1839. Т. 3. Кн. 2. С. 172—173.

²⁸ Макарий архим. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Т. I. С. 568, примеч. 355.

²⁹ Толстой М. Святыни и древности Великого Новгорода. М., 1862. С. 258.

Заканчивая этот по необходимости краткий и кое в чем предварительный разговор о Гостомысле, следует упомянуть еще одно обстоятельство. Его общественный статус у прибалтийских славян был настолько значителен, что побуждал даже хрониста враждебного Гостомыслу называть его королем (гех). Прибытие этого лица в пределы будущей Новгородской земли естественно связывать с усилением немецкого натиска на земли славян, прежде всего — на государство ободритов. Переселялся оттуда на берега Ильменя, очевидно, далеко не один Гостомysl. Причины же такой миграции не уменьшались, а возрастали. Начавшись, вероятно, еще при Карле Великом, она подсказывала этот путь и Гостомыслу. Биография этого деятеля, хотя и доступная выяснению только фрагментарно, может служить иллюстрацией того, какова могла быть вообще этническая предыстория значительной части населения Новгородской земли.

О том, что она имела весьма давние связи с западными, прибалтийскими славянами, неопровержимо свидетельствуют обобщенные недавно В. Л. Яниним данные археологии, языкознания и этнографии³⁰. На этом фоне отображенные летописными известиями связи династические представляются вполне естественными. А династия, заметным представителем которой был Гостомysl, насчитывала несколько столетий — согласно данным Иоакимовской летописи. Хрониками славян прибалтийских наука не располагает, немецкие и французские анналы того времени содержат лишь эпизодические обращения к событиям в славянских землях. Поэтому возрастает значение как археологии, так и фольклора.

Данные фольклора представляют особенный интерес не только для освещения начала истории Новгородской республики. Противостояние Великого Новгорода и Москвы хорошо известно, но слишком мало известно, что, несмотря на сложность этих отношений, новгородский контингент был в составе войск Дмитрия Донского на Куликовом поле. Сведения об этом, именно из устной традиции перешедшие в письменность, подтверждаются и документально, изучению чего была посвящена специальная работа³¹. Существуют работы, исследовавшие новгородские былины о Глебе Володьевиче и о Садко и выяснившие значение этих устных произведений для уточнения данных письменности об исходных событиях. Добытая археологами берестяная грамота и результаты изучения граффити в сопоставлении с летописными известиями помогают изучить народное восприятие исходного факта, отобразившееся в новгородской былине о Ставре Годиновиче.

Более интенсивное подключение фольклористики к комплексным исследованиям Древней Руси, думается, поможет прояснить еще очень многое.

³⁰ Янин В. Л. Археология и исследование русского Средневековья // Вестник Российской Академии наук. М., 2000. № 10. С. 922—923.

³¹ Подробности см. в статье: Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Л., 1972. Т. 13. С. 77—102. См. также: Кирпичников А. Н. Куликовская битва. Л., 1980. С. 39—40.

